

Надежда Евгеньевна Никитина

канд. филол. наук, доц., доц. каф. белорусского и русского языкознания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Nadzeya Nikitsina

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Linguistics
of Brest State University named after A. S. Pushkin

e-mail: n.nikitsina@gmail.com

**ВОЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
КАК ОБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

Представлен сравнительно-сопоставительный анализ средств изображения военной действительности в повестях В. Быкова «Журавлиный крик» и К. Степаняна «Где». Обоснована универсальность военного опыта, в обоих произведениях выделены общие лексико-семантические поля: пространство, время, социум, быт и духовно-нравственные проявления. Несмотря на временной разрыв и национально-культурные различия, в текстах обнаружены сюжетные и смысловые параллели в восприятии войны как особой, пограничной реальности.

Ключевые слова: военная проза, военная действительность, художественная реальность, сравнительный анализ, универсалии, В. Быков, К. Степанян.

Military Reality as an Object of Literary Understanding

The article presents a comparative analysis of the means of depicting military reality in V. Bykov's story «The Crane's Cry» and K. Stepanyan's «Where». The author substantiates the universality of the military experience, identifying common lexical and semantic fields in both works: space, time, society, everyday life, and spiritual and moral manifestations. Despite the time gap and national and cultural differences, the texts reveal plot and semantic parallels in the perception of war as a unique, borderline reality.

Key words: military prose, military reality, artistic reality, comparative analysis, universals, V. Bykov, K. Stepanyan.

Введение

Литература находится в постоянном диалоге с окружающей действительностью, причем книга не просто отражает реальную жизнь, а интерпретирует ее, обогащая и преобразовывая через творчество писателя. В результате отображения социальных и личностных реалий литература создает особую, художественную реальность, которая помогает понять человеческую психологию, а также осмыслить события прошлого и настоящего.

В число наиболее значимых аспектов истории любого народа входят войны, а литература при этом выполняет функцию транслятора военных действий и психологической трансформации их участников.

Неизбывный интерес литературы к военной тематике объясняется тем, что «на войне человек вплотную подведен к той запредельной черте, которая открывает перед ним бездну человеческого существования: близость и неизбежность смерти,

время ни с кем не делимой ответственности, неизбежность одиночества, фундаментальную потребность обрести смысл в абсурдном мире» [1, с. 133]. Все перечисленное верно в отношении участников любых военных событий вне зависимости от эпохи, национальной принадлежности и прочих условий, что делает актуальным вопрос об универсальности военной действительности.

Данная статья посвящена проблеме литературного осмысления военной действительности на примере повестей В. Быкова «Журавлиный крик» [2] и К. Степаняна «Где» [3].

Для белорусского народа самой кровопролитной войной стала Великая Отечественная, которая продлилась четыре года и унесла жизни трети населения страны. События тех лет не могли не найти отражения на страницах художественных произведений, тем более что многие писатели на себе испытали все ужасы войны. Военная тема

до сих пор остается одной из главных в белорусской литературе, поскольку для творческого человека интересна философия войны как величайшей трагедии, в которой проявляется все: «и человек, какой он есть, и система, и строй, и традиции» [4].

Одним из самых известных белорусских авторов-фронтовиков является В. Быков. Он прошел почти всю войну, что объясняет его интерес к этой теме. Книги В. Быкова, суровые и справедливые, рассказывают о жестокой правде военного времени [5]. Повесть «Журавлиный крик» ознаменовала начало литературной деятельности писателя, она повествует о последних днях жизни нескольких солдат, погибших в окружении.

Другой белорусский автор – И. Чигринов – писал: «История войны – не только опыт, приобретенный во время войны, но и наука. Жаль, что мы плохие ученики у жизни» [4]. Наука состоит в том, что война – зло, которое нужно остановить, однако войны продолжают повторяться.

Одни из последних военных событий на постсоветском пространстве происходили осенью 2020 г. в Нагорном Карабахе между Арменией и Азербайджаном. Вторая Карабахская война длилась полтора месяца, однако ее последствия оказались сокрушительными для многих людей.

Например, 22-летний армянин из Москвы Коля Степанян добровольцем пошел в армию и оказался на войне, попал в окружение и пропал без вести на три месяца. Ему и нескольким его сослуживцам удалось выжить, однако К. Степанян лишился обеих ног. Через несколько лет он написал повесть «Где», которая стала документально-художественным свидетельством событий, пережитых им на войне.

Повести В. Быкова «Журавлиный крик» и К. Степаняна «Где» разделяют почти 70 лет, их авторы принадлежат к разным национальностям и поколениям, однако эти произведения имеют на удивление много общих сюжетных параллелей и достаточно схожи в изображении военной действительности.

Основная часть

Говоря о «внутреннем мире» художественного произведения, Д. С. Лихачев утверждал, что материал для его построения автор берет из действительности [6, с. 78].

Это положение особенно верно в отношении военной прозы, важной особенностью которой является «ставка на реализм» [7, с. 464].

Военные реалии внутреннего мира повестей В. Быкова «Журавлиный крик» и К. Степаняна «Где» можно условно разделить на следующие лексико-семантические поля: пространство, время, социум, бытовые детали, духовно-нравственные проявления. Пространство в обоих произведениях бинарно. С одной стороны, это открытая местность, пребывание на которой осложняется плохими погодными условиями: *К ночы вецер памалу сціхаў, але затое аднекуль з шумлівай цемрадзі пачаў накрапваць дождж. Адразу намоклі пілоткі на галовах байцоў, пакрысе набрыньвалі вільгацію і цяжэлі каляныя шынялі* [2, с. 20]. – *Впервые за все путешествие пошел дождь. Дождь гораздо хуже, чем снег. Снег нежно ложится на тебя, особо не беспокоит, не делает одежду тяжелой и ледяной. В отличие от дождя. Я сильно промок и теперь ощущаю себя как в холодильнике* [3, с. 228]. С другой стороны, солдаты ищут спасения от холода и сырости в заброшенных домах, где можно развести огонь и приготовить пищу. Однако в целом художественное пространство повестей можно охарактеризовать словами К. Степаняна – «посреди войны»: *Посреди войны, в тылу врага, я и два моих лучших друга жарим картошку с яйцами* [3, с. 21]. Война выступает уже не как совокупность обстоятельств, а как отдельный мир со своими законами.

Художественное время делится на сезоны (преимущественно осень), дни и часы. *Карпенка дакурью цыгарку, паляжаў яшчэ. Сон болей не ішоў, у каравуцы па-ранейшаму было цёмна, але, чуйны да часу, старшына згадваў, што хутка ранак* [2, с. 41]. – *Чуть ли не каждые полчаса мысли уводили меня в подсчет оставшихся дней. Оставшихся недель. Часов* [3, с. 32]. Несмотря на то что в повести «Журавлиный крик» события происходили в течение суток, а в повести «Где» – двух месяцев, ощущение «неподвижности», статичности времени обусловлено отсутствием активных действий. Действительность наполнена ожиданием: рассвета, темноты, наступления, спасения или возможной смерти.

В подобных условиях на первый план выходят люди, которые по воле судьбы оказались в одном месте и образуют внутренний социум произведений. В военном мире этот микросоциум включает «своих» и врагов. Узкий круг «своих» в обеих повестях состоит из шести человек: *Яны засталіся ўшасцёх, агорнутыя самотай ростані...* [2, с. 8]. – *Теперь нас было шестеро, и мы жили на крыше дома, а точнее на его чердаке...* [3, с. 119]. Однако отношения между ними разные. В повести «Где» солдат связывает дружба, почти братство: *Рядом со мной – мой друг, или уже скорее брат, – Манч. Переводя взгляд с одного брата на другого, я думал, что, должно быть, моей любви только на них и хватило. За них я готов был умереть. За других – нет* [3, с. 15]. Герои повести «Журавлиный крик» не настолько близки, они слишком разные и провели вместе недостаточно времени. Тем не менее перед лицом смерти отношение к близкому как к брату также свойственно героям этого произведения: *Старишына, братка! Што нарабілі, гады паўзучыя!* [2, с. 62].

Противники в повестях именуется по национальности или словом *враг*. Синекдоху используют оба автора, однако В. Быков чаще подчеркивает множественность врагов, лишь в отдельных случаях обобщая их лексемой *немец*: *Але ці то во-рагі ехалі завельмі марудна ці зусім ужо аслаб зрок байца, ён нічога не бачыў там* [2, с. 50]. – *А што гэта немец сёння: ці не заблудзіўся?* [2, с. 23].

К. Степанян, наоборот, рисует образ единого врага, а азербайджанцев как нацию упоминает только во множественном числе: *Около месяца назад с этих вот самых скал нас, брошенных на произвол судьбы, расстреливал враг* [3, с. 170]. – *Азеры дали о себе знать быстрее, чем я до них дошел* [3, с. 65].

Промежуточное положение между «своими» и «чужими» занимает военное командование. В обеих повестях упоминаются жестокие командиры, которые вызывают у солдат не меньшую ненависть, чем непосредственные противники: *Камандзірам таго аддзялення, у якое залічылі Аўсеева, назначылі мешкаватага тугадума Тодарава. Гэты няўклюдны чалавек з тупой упартасцю і асаблівым стараннем імкнуўся выканаць усё, што ад яго*

патрабавалася, не зважаючы ні на чые і ні на якія турботы [2, с. 32]. – *Капитан Вардерсян сидит довольный напротив нас, и слова его, сколь ужасные, столь и смешные, сказанные как будто специально, чтобы забить последний гвоздь в гроб своей омертвевшей души: – Вы все сдохнете. А я останусь* [3, с. 149].

Быт солдата связан с военной действительностью, поскольку его жизнь напрямую зависит от этих реалий. Оружие является неотъемлемой частью солдатского быта. В повести «Журавлиный крик» упоминаются автоматы, винтовки, ружья: *Паддаўшы плячом аўтамат, камбат нялёгка ўздыхнуў* [2, с. 8]; *Вось што – бярэце вінтоўку і марш за мной* [2, с. 10]; *Аднак у самым канцы яе мільганула зацярушаная пяском постаць Свіста – ён ухачіў ружжэ і ў роспачы злосна вылаяўся* [2, с. 62]. На войне такое разнообразие оружия кажется логичным, однако К. Степанян показывает эту ситуацию с другой стороны: неопытные бойцы в стрессовой ситуации не всегда правильно определяют тип своего оружия: *Заряжаю ружьё (так я называю свой автомат), стреляю* [3, с. 44].

Военное обмундирование в обеих повестях примерно одинаковое, типичное для осенне-зимнего периода: *шынель, кірзавыя боты, пілотка; сапоги, каска, бушлат, плац-палатка* и др. Лишь одна деталь выступает признаком эпохи: современные солдаты используют носки вместо портянок: *Свіст соладка разлёгся на падлозе, раскінуў крываватыя ў нізка накручаных абмотках ногі* [2, с. 25]. – *На мне две пары носков* [3, с. 215].

Совпадение военных реалий представляется вполне логичным, однако в произведениях есть общие детали, напрямую не связанные с войной. Например, боец Фишер из повести «Журавлиный крик» очень напоминает Колю Степаняна из повести «Где»: они оба образованные (Фишер – кандидат искусствоведения, Степанян – выпускник московского университета, специалист в английском и китайском языках), оба носят очки (*Адны толькі чорныя вочы над тоўстымі шкелцамі акулярў цяпер неак ажылі* [2, с. 12]. – *Быстро протираю очки (да, я ношу очки, у меня минус четыре), смотрю снова* [3, с. 44]), оба в свободное время предпочитают читать (*Адзін толькі Фішар самотна сядзеў*

у бильнягу... гартаў нейкую кніжку [2, с. 10]. – Мы были в лесу, я читал книгу [3, с. 91]).

По причине отсутствия в повестях активного действия на передний план выходят духовно-нравственные проявления персонажей: их мечты и желания, патриотизм и героизм, отношение к любви и удаче, к жизни и смерти, восприятие войны в целом.

Отличительная особенность мечты на войне – ее материальность. Солдат постоянно сопровождают сюжжа, голод і страх смерці [2, с. 67], поэтому больше всего им хочется избавиться от этих ощущений хотя бы на время: *На войне всегда хочешь спать. Спать и есть* [3, с. 42]; *Умирать не хотелось* [3, с. 66].

Главная мечта любого солдата – остаться в живых и выбраться из зоны боевых действий, при этом они готовы терпеть любые лишения: *А жыць так хацелася – хоць як- небудзь: у сюжжы, голодзе, страху, хоць у такім жудасным пекле, якім была вайна – усё роўна хацелася жыць* [2, с. 68]. – *Ног у меня больше не было. Хотите верьте, хотите нет – но и этому тоже я был очень рад. Ведь на войну мне больше не надо* [3, с. 24].

Везение также воспринимается сквозь призму материальности, хотя главной удачей считается выжить: *Карпенку на фронце ўсё ж шанцавала* [2, с. 40]. – Любое наше желание сбывалось в течение считанных часов. *Дав хотел вафли – мы нашли их в тот же день. Ато хотел попробовать азерские консервы – мы нашли их в тот же день* [3, с. 23].

Другие мечты связаны с представлениями о послевоенном будущем. Один из героев повести «Где» хотел стать студентом: *Я бы, наверно, просто хотел пойти в университет. Пожить студенческую жизнь* [3, с. 97]. Отношение к студенчеству как спасению от суровой реальности присутствует и у солдата Пшеничного из повести «Журавлиный крик»: *Ен чакаў экзамэнаў, чакаў і марыў, бачыў у сваім студэнцтве адзіны шчаслівы выхад з таго ліха, у якое яго загнала жыццё* [2, с. 19].

Составляющими счастливого будущего в мечтах героев обеих повестей являются дом, семья: *Скончыцца вайна, і тады няблага было б прыдбаць невялічкую ды ладную сядзібу і ў спакой, па-людску*

зжыць хоць на старасці год [2, с. 47]. – *Мои мечты, которым никогда не суждено сбыться. Девушка, которую я никогда не встречу. Дети, которых никогда не воспитаю* [3, с. 16].

Однако чаще всего солдат на войне живет настоящим и самым ближайшим будущим: *Аднак кароткае захапленне-радасць мінулася, людзі аддаліся новым развагам-клопатам пра сваё хуткае будучае* [2, с. 55]. – *Ничто не приводит человека в настоящее так, как война. Сожалеңня о прошлом? Зачем? Если каждая секунда может стать последней. Переживания о будущем? Какое будущее?* [3, с. 23].

С прошлым чаще всего связана любовь как одно из самых счастливых воспоминаний: *Купаліся, пілі, і там у кустах налаўчыўся я, згроб яе і пацалаваў, Думаў, у морду ляпне, а яна куды там – абхапіла мяне аберуч за шыю, упілася ў вусны, і дух мне заняло, быццам у якое правалле рынуў* [2, с. 27]. – *Целую. Очень мягкие губы. Большие и мягкие. Не могу передать, какой кайф я испытал. И самое главное, она ответила на мой поцелуй! Я был так счастлив* [3, с. 82].

В настоящем солдат волнуют вопросы патриотизма и героизма. В Быков раскрывает патриотический аспект на примере образа солдата Пшеничного, который обижен на советскую власть и считает, что у него нет родины: *Хай ваююць, абараняюць «сваю радзіму», у яго ж абараняць няма чаго* [2, с. 16]. Главный герой повести К. Степаняна, хоть и армянин, но прожил всю жизнь в Москве, а на войну пошел добровольцем в тайне от родных. Многие осуждали его за «глупость», однако его позиция оставалась неизменной: *Для всех я болван. Идиот. А как нужно, брат? А кто должен служить? А кто должен защищать? Кто должен умирать? Те, у кого не особо шустрые родители? Где в этом во всем справедливость? Пошли все к черту* [3, с. 135].

На войне храбрость и героизм присущи не каждому и не постоянно, и это естественное явление: *Адно з двух, думаў Аўсееў, ці ўсе яны і на чале са старшыней – кругляя асталопы, ці ён сам – ныцік і трус* [2, с. 30]. – *Но здесь и сейчас я не воин. Здесь и сейчас я не храбрец* [3, с. 95]. Однако именно война порождает, выковывает настоящих героев: *Ен быў чалавек*

удумлівы і разумеў, што гэта пакутна і марудна нараджаўся ў ім той, на каго ён мені за ўсё рыхтаваў сябе – **нараджаўся баец** [2, с. 44–45]. – **Война выковала из Армана настоящего героя. Или, может, раскрыла героя в нем** [3, с. 194].

Получается, войне присущи не только ужасы и смерть, но и своеобразное «рождение», начало новой жизни. Война может вызывать положительные эмоции. У одних, как Иван Пшеничный, это радость (а скорее злорадство), что все его страдания в мирной жизни будут отомщены: *Калі пачалася вайна і нямецкія войскі шыбанулі на рускія землі, сярод вялізнага мора гора і слёз быў чалавек, які таемна радаваўся ёй* [2, с. 20]. Другие же, как Коля Степанян, видят в войне полезный, необходимый жизненный опыт и благодарны ей за это: *Этой книгой я хочу защитить войну. Как же это так, защитит войну, спросишь ты. Да хоть сказать, что она не такая и ужасная. Что она для чего-то. Или из-за чего-то. Я хочу сказать ей спасибо* [3, с. 21].

Смерть на войне также делится на «свою» и «чужую». К чужой смерти можно привыкнуть, психологически отгородиться от нее и воспринимать почти равнодушно: *А Свіст тым часам, не звяртаючы на мерцвякоў асаблівай увагі, агледзеў матачыкл* [2, с. 57] – *Стоя перед телами – нет! – Скелетами совсем молодых ребят, многих из которых знал лично, я почти что ничего не чувствую* [3, с. 171].

Собственная смерть также со временем перестает вызывать страх, становится неотъемлемой частью действительности: *Хлопец валок кулямёт, цяжкі маток металічных стужак і цяпер ужо не адчуваў таго страху, з якім ішоў сюды* [2, с. 57–58]. – *Смерть меня больше не пугала. Смерть я уже принял* [3, с. 66]. Гораздо большее удивление, чем смерть или страх смерти, на войне вызывает жизнь: *Але мінула нямнога хвілін, а пагібелі ўсё не было ды і асаблівага страху – таксама* [2, с. 56]. – *По мере того как проходил второй день, я все больше и больше недоумевал, как это мы все еще живы* [3, с. 16].

Очевидное переплетение всех аспектов военной реальности позволяет говорить об особой действительности, которую невозможно до конца понять, не пережив войну: *Думаю, сколько бы я ни старался,*

к моему огромному сожалению, вряд ли смогу в полной мере передать свой опыт проживания реальности войны. Насколько она отличается от того, к чему мы привыкли. Недосып, недоедание, постоянные мысли о смерти формируют какую-то новую, ни на что не похожую действительность [3, с. 44].

Заклучение

Анализ двух произведений, разделенных многими десятилетиями, убедительно доказывает, что военная действительность является универсальным объектом литературного осмысления. Несмотря на разницу в эпохах и национальном контексте, художественное исследование феномена войны выявляет глубинные, вневременные константы. Проведенный анализ демонстрирует существование особой, «военной» реальности, со своими законами, пространственно-временными координатами и системой ценностей. Эта реальность создается в текстах с помощью схожих художественных средств. Бинарное пространство раскрывается между враждебной открытой местностью и временным укрытием. «Неподвижное» время наполнено экзистенциальным ожиданием и стирает разницу между сутками и месяцами. Отношения в микросоциуме «своих» (от братства до отчуждения) становятся главной опорой для человека перед лицом смерти. Бытовые детали и духовные проявления в условиях предельного напряжения сливаются воедино.

Важнейшим результатом сравнительного анализа двух произведений является парадоксальное единство восприятия войны авторами-фронтовиками. Война предстает не только как абсолютное зло, несущее смерть и страдание, но и как мощный катализатор человеческой сущности. Она становится пространством, где формируется новая, ни на что не похожая система координат бытия.

Таким образом, литература, обращаясь к военной действительности, выполняет свою главную задачу: она не просто документирует события, а проникает в экзистенциальную суть пограничного человеческого существования, что обеспечивает непреходящую философскую и нравственную актуальность военной прозы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Каропа, И. Г. Художественное осмысление войны как пограничной ситуации / И. Г. Каропа // *Вісник МДПУ імя І. П. Шамякіна*. Серія: Філологія. – 2009. – № 2 (23). – С. 130–135.
2. Быкаў, В. Жураўліны крык / В. Быкаў // *Маладосць*. – 1960. – № 2. – С. 7–69.
3. Степанян, К. Где. Повесть о Второй Карабахской войне / К. Степанян. – М. : Individuum : Эксмо, 2025. – 236 с.
4. Карлюкевич, А. Война перестает тревожить людей? : интервью с И. Чигриновым / А. Карлюкевич // Иван Чыгрынаў. Вернасць праўдзе : [сайт]. – URL: <https://libmogilev.by/chigrinov/creation/journalism/interview/> (дата обращения: 23.02.2026).
5. Василь Быков: человек, который выжил // ГУК «Дрогичинская районная централизованная библиотечная система» : [сайт]. – URL: <https://bibldrog.by/blog/vasil-bykov-chelovekom-kotoryj-vyzhil/06/18/2021/> (дата обращения: 23.02.2026).
6. Лихачев, Д. С. Внутренний мир художественного произведения / Д. С. Лихачев // *Вопросы литературы*. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
7. Снегур, Е. О. Художественные средства создания образа войны в литературе (на материалах русского и немецкого языков) / Е. О. Снегур // *Современное педагогическое образование*. – 2024. – № 5. – С. 464–470.

REFERENCES

1. Karopa, I. G. Khudozhestvennoe osmyslenie voyny kak pogranichnoi situatsii / I. G. Karopa // *Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina. Seriya: Filologiya*. – 2009. – № 2 (23). – S. 130–135.
2. Bykau, V. Zhurauliny kryk / V. Bykau // *Maladosts'*. – 1960. – № 2. – S. 7–69.
3. Stepanyan, K. Gde. Povest' o Vtoroi Karabakhskoj voine / K. Stepanyan. – M. : Individuum : Eksmo, 2025. – 236 s.
4. Karlyukevich, A. Voina perestaet trevozhit' lyudei? : interv'y u s I. Chigrinovym / A. Karlyukevich // Ivan Chygrynaў. Vernasts' praudze : [sait]. – URL: <https://libmogilev.by/chigrinov/creation/journalism/interview/> (data obrashcheniya: 23.02.2026).
5. Vasil' Bykov: chelovek, kotoryi vyzhil // GUK «Drogichinskaya raionnaya tsentralizovannaya bibliotchnaya sistema» : [sait]. – URL: <https://bibldrog.by/blog/vasil-bykov-chelovekom-kotoryj-vyzhil/06/18/2021/> (data obrashcheniya: 23.02.2026).
6. Likhachev, D. S. Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya / D. S. Likhachev // *Voprosy literatury*. – 1968. – № 8. – S. 74–87.
7. Snegur, Ye. O. Khudozhestvennye sredstva sozdaniya obraza voyny v literature (na materialakh russkogo i nemetskogo yazykov) / Ye. O. Snegur // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. – 2024. – № 5. – S. 464–470.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.03.2026